

Когда Цинь Чаньюань обернулся, Сяо И уже снова взял миску и начал медленно жевать.

Лу Жоцзя, дрожа, сел рядом с Цинь Чаньюанем, сжавшись подальше от Сяо И — на расстоянии по диагонали.

Сяо И закончил есть раньше, но Цинь Чаньюань и Лу Жоцзя только взяли за палочки, поэтому ему не входило уйти, и он молча сидел напротив.

Когда Цинь Чаньюань проглотил порцию риса, Сяо И спросил:

— Почему ты хочешь поступить во Врата Дао Меча?

Услышав эти слова, Лу Жоцзя мгновенно подавился и закашлялся.

Цинь Чаньюань и Сяо И одновременно посмотрели на него.

Едва справившись с дыханием, Лу Жоцзя дрожащим голосом произнес:

— Чаньюань... Когда ты сказал, что хочешь во Врата Дао Меча? Позавчера... ты говорил мне, как хороши Врата Конфуцианского Дао.

Цинь Чаньюань тут же жестом попросил его замолчать, но Лу Жоцзя, не обладая с ним никакой связью, набрался смелости и продолжил:

— Ты еще говорил, что во Вратах Дао Меча одни только железяки-мечники, которые ничего не умеют, кроме как тренироваться с мечом... И что они пробудут всю жизнь только со своим мечом...

— Лу Жоцзя, когда я говорил тебе такие слова? Ты, наверное, ослышался.

Лу Жоцзя с потерянным видом спросил:

— Как я мог ослышаться?

Цинь Чаньюань отчаянно пытался спасти положение:

— Я говорил это про тебя. Тебе больше подходят Врата Конфуцианского Дао, там старшие сестры очень добрые и красивые.

На самом деле он хотел поступить только во Врата Дао Меча, а те слова, которыми он поливал грязью Врата Меча, были лишь попыткой уговорить этого глупого ребенка пойти в Врата Конфуцианского Дао. Просто эти слова звучали не слишком приятно, и он очень боялся, что Сяо И рассердится.

Лу Жоцзя неуверенно произнес:

— Правда?..

Цинь Чаньюань осторожно посмотрел в сторону Сяо И и обнаружил, что взгляд того спокоен как вода, словно он вообще не слышал их разговора. Он стоял неподвижно, словно гора.

Цинь Чаньюань незаметно облегченно вздохнул и произнес:

— Конечно — эй, Сяо И... Ты только что спросил, почему я хочу поступить во Врата Дао Меча,

да? Тогда я скажу тебе так: я хочу получить меч Чуюнь.

В глазах Сяо И сверкнула резкость:

— Меч Чуюнь?

Цинь Чаньюань поднял на него брови:

— Да.

Сяо И холодным взглядом окинул их, а Лу Жоцзя сжался в углу, не смея издать ни звука.

— Меч Чуюнь будет только моим.

Цинь Чаньюань скривился: «Ого, как самонадеянно».

У новичков Академии было три дня отдыха, которые также являлись днями поста и очищения сердца. Через три дня должна была состояться церемония поступления, под личным наблюдением наставника триста новых учеников должны были пройти проверку духовного алтаря и, в зависимости от таланта, выбрать подходящий путь: например, Врата Дао Меча, Врата Конфуцианского Дао или Врата Медицинского Дао.

Когда в свое время Сяо Юньцзинь поступил во Врата Цин, при проверке духовного алтаря он случайно обнаружил, что обладает сверхранговым алтарем, став единственным супергением за тысячи лет в пяти пределах.

Ранг духовного алтаря напрямую влияет на скорость практики. С первого по третий ранг — низший уровень, с четвертого по шестой — средний, с седьмого по девятый — высший. Высший уровень уже крайне редок, а десятый ранг существует лишь в легендах. Что касается сверхрангового алтаря, то за все эти годы, от малых практикующих до великих достигших бессмертия, никто даже не смел мечтать о таком.

Если хочешь продвинуться далеко на пути культивации, то, в общем-то, достаточно средне-высокого уровня, духовного алтаря седьмого ранга.

В прошлой жизни у Цинь Чаньюаня был крайне редкий духовный алтарь десятого ранга, но даже он не мог сравниться с мощью сверхрангового. Именно из-за этого в пяти пределах и распространились слухи, что Цинь Чаньюань покусился на духовный алтарь Сяо Юньцзиня.

Цинь Чаньюань всячески старался заставить Сяо Юньцзиня возненавидеть себя; он даже не пытался опровергнуть слухи, что в итоге и заложило основу для его трагической гибели.

Поступающим новичкам требовалось соблюдать трехдневный пост: нельзя было есть мясо, проливать кровь или пить вино. Но из этих трех вещей Цинь Чаньюань не мог обойтись без двух — мяса и алкоголя.

После начала поста с алкоголем было еще проще — Цинь Чаньюань мог потерпеть, но три дня без мяса были для него пыткой хуже, чем смерть.

Поэтому Цинь Чаньюань решил, что в эту же ночь, когда все уснут, он оденется и перелезет через стену.

За пределами Академии стоял ряд небольших построек, имитирующих мирской рынок; там даже ночью были открытые лавки. Цинь Чаньюань так сильно тянуло на мясо, что, перелезая

через стену, он не осмотрелся по сторонам и просто перепрыгнул.

К сожалению, при приземлении он встретился взглядом с человеком.

Сяо Юньцзинь стоял под лунным светом; его темно-фиолетовая одежда была покрыта холодной белой коркой лунного сияния. В руках он, казалось, держал свиток, весь он скрылся в тени, подобный инею или снегу; его черные зрачки приковали Цинь Чаньюаня, как только тот высунул из-за стены ногу.

В одно мгновение весь задор Цинь Чаньюаня угас. Он выглядел как пойманный вор, опустив брови и глаза, не смея встретиться взглядом с Сяо Юньцзинем. Но растерялся он лишь на мгновение.

Цинь Чаньюань спокойно поднял голову и помахал рукой:

— Хай~

Сяо Юньцзинь равнодушно бросил на него взгляд и спросил:

— Скоро рассвет, что ты собираешься делать?

Увидев его в таком виде, Цинь Чаньюань догадался, что тот совершает ночной обход. Ведь когда они в прошлом были наставником и учеником во Вратах Цин, там существовал запрет на вино, и каждый раз, когда Цинь Чаньюань тайком пил, Сяо Юньцзинь ловил его с полочным. Позже настоятель даже присвоил Сяо Юньцзиню звание патрульного, чтобы он следил за нарушающими правила учениками и старейшинами Врат Цин.

Поймает ли Сяо Юньцзинь кого-то другого, Цинь Чаньюань не знал, но его он ловил без промахов.

Судя по нынешней ситуации, ночное дежурство — работа, которую никто не любит. Цинь Чаньюань окинул взглядом стоящего со свитком Сяо Юньцзиня и тут же домыслил образ «бедняги, которого притесняют старшие, заставляя выполнять тяжелую и неблагодарную работу, и который, чтобы выжить в Академии и пользуясь лунным светом, прилежно учится».

Наблюдая, как взгляд Цинь Чаньюаня становится все более полным любви и жалости, просто проходивший мимо Сяо Юньцзинь:

— ?

Сяо Юньцзинь был на голову выше Цинь Чаньюаня, и тому пришлось встать на цыпочки, чтобы обнять его за плечи. Он сказал, как старый приятель:

— Друг, ночь сегодня чудесная, я как раз собираюсь прогуляться по рынку и найти чем-нибудь набить желудок. Не хочешь составить мне компанию? Вижу, тебе здесь скучновато, может, прогуляемся?

Сяо Юньцзинь холодно отстранил руку Цинь Чаньюаня и сделал шаг в сторону, сохраняя дистанцию:

— В Академии есть правила: во время комендантского часа тем, кто выходит по делу или не успевает вернуться, необходимо сообщить об этом согласно уставу. К тому же...

Он тяжело посмотрел на Цинь Чаньюаня:

— Новички должны соблюдать трехдневный пост, мясо есть запрещено.

Слова Сяо Юньцзиня попали прямо в больное место Цинь Чанъюаня. Он почесал затылок:

— Всего один разочек. Я правда очень хочу есть. Прости меня в этот раз, все равно наставник не узнает.

Сяо Юньцзинь молча смотрел на него.

От этого взгляда Цинь Чанъюаню стало не по себе:

— Чего ты такой злой... Я же не знаю его, не пойду же я жаловаться. Просто выйду, пройду, хоть запахом вдохну, можно?

Лицо Сяо Юньцзиня стало еще холоднее:

— В Академии есть правила: нельзя ночевать вне стен, новички обязаны соблюдать трехдневный пост. За умышленное нарушение вина удваивается.

Цинь Чанъюань махнул рукой:

— Стоп! Я вернусь, я вернусь, ладно? Испугался ты правил Академии, что ли.

В этот момент он не знал, радоваться или грустить. Радоваться тому, что его ученик вырос в серьезного и дотошного взрослого, или грустить из-за того, что сегодня он точно не поест мяса.

Сяо Юньцзинь стоял за стеной до тех пор, пока не скрылся из виду Цинь Чанъюань и он не убедился, что тот больше не попытается перелезть, и только тогда повернулся и ушел.

На следующий день Цинь Чанъюань был вялым, разговаривая с Лу Жоцзя без энтузиазма, что сильно беспокоило последнего. Цинь Чанъюань слабо махнул рукой, почти ничего не ел весь день и лежал в своей комнате.

К вечеру Цинь Чанъюань полностью восстановился. Он не верил, что его снова поймают, если вчера это уже случилось.

На этот раз Цинь Чанъюань намеренно выбрал место далеко от того, где он прыгал в прошлый раз, и специально сместил время.

В тот момент, когда Цинь Чанъюань поставил ногу на черепичную крышу и выглянул наружу, вдруг раздался глубокий голос, Сяо Юньцзинь с нахмуренными бровями:

— Почему это опять ты?

Цинь Чанъюань от страха оступился, и так как другая нога была еще за стеной, он мгновенно оказался сидящим верхом на верхней кромке стены.

В этот момент он почувствовал, что его сейчас разорвет пополам; от боли глаза у него мгновенно залились слезами, и он выкрикнул:

— Сяо Юньцзинь... ты!

Сяо Юньцзинь недовольно нахмурил брови:

— Орать — каков образ?

Цинь Чанъюань наклонился к нему, с трудом переждав боль, и смягчил тон:

— Почему ты опять здесь?

Сяо Юньцинъ заставил себя проигнорировать отсутствие уважения в словах Цинь Чанъюаня:

— Если бы меня здесь не было, ты бы ведь нарушил запрет?

<http://bllate.org/book/16414/1487362>